З. К. ТАРЛАНОВ
Петрозаводск

ЭПИЧЕСКИЕ ОНОМАСТИКОНЫ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Разностороннее исследование эпосов, как и других родов и жанров устной поэзии, предполагает описание и систематизацию всех их структурных составляющих.

К числу таких составляющих относятся и ономастиконы, своды собственных имен, неотделимых от устно-поэтических культур разных народов и также характеризующих мир представлений этих народов, их ценностные, пространственно-географические, социально-исторические, общепоэтические, познавательные и прочие ориентации.

Наряду с этим анализ многих эпических языковых структур, в том числе и ономастических, предоставляет, как это давно признано в науке, и ряд рудиментарного характера фактических сведений, существенных для реконструкции архаичных состояний в собственно языковом развитии.

Между тем в плане фронтального охвата материала именно ономастиконы остаются одним из наименее изученных участков фольклора в целом и эпической поэзии в частности. Исследовательский интерес к ним, как правило, был случаен. Лишь с последней четверти XX в. он становится более последовательным и целенаправленным. При этом собственные имена в фольклоре рассматриваются в разных аспектах: с точки зрения их жанровой прикрепленности — именники лирических песен, сказок, посло-

© Тарланов З. К., 2004

виц и поговорок, внутрижанровой вариативности, текстовой дистрибуции, структуры, этноисторической обусловленности и т. д.

Применительно к эпическим произведениям во многом так же нерегулярные, тем не менее масштабные и плодотворные опыты в этом направлении, в сущности, ограничивались главным образом поисками этимологического и/или мифологического смыслов имен, названий тех или иных центральных их персонажей и локусов. Некоторые из этих опытов были безусловно значительными и важными как по результатам, охвату историко-сопоставительного материала, так и по методикам исследования. В частности, имеются в виду, например, известные работы акад. А. И. Соболевского рубежа XIX—XX вв.[1] и акад. Б. А. Рыбакова 60-х гг. XX в.[2], предметно посвященные именам персонажей и топонимам русских былин[3].

Однако историко-этимологические толкования эпических имен при всей их безусловной значимости все же оказываются недостаточными в плане обрисовки той роли, которую они выполняют в общей истории этнической культуры. Такого рода толкования по сути своей предстают как выборочные и сосредоточиваются, как уже говорилось, главным образом вокруг центральных персонажей и тем самым сужают не только материал, но и проблематику исследований, в том числе и этнокультурно нацеленную, являющуюся одной из центральных при изучении устно-поэтических произведений.

В свете сказанного основная задача данной публикации сводится к тому, чтобы на материале «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга и «Калевалы» Э. Лённрота в русском переводе Л. П. Бельского обратить внимание на эпические именники как на материал для лингвистических, этнолингвистических, социолингвистических и этнокультурных наблюдений. Разумеется, такого рода на-

[1] *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

[2] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

[3] Подробнее об исследованиях по именнику русских былин см.: *Тарланов З. К.* Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск, 2002.

блюдения не могут быть безразличными также и для общей фольклористики, в особенности для фольклорной типологии.

Можно предполагать, что, в частности, и подобные общие соображения руководили собирателем «Онежских былин» А. Ф. Гильфердингом, когда он считал обязательным снабдить первое же их издание полными именными и предметными указателями. Преждевременная трагическая смерть ученого не позволила ему реализовать первоначальный замысел. Как известно, такие указатели были составлены Н. В. Васильевым ко второму изданию «Онежских былин» лишь почти сорок лет спустя и изданы отдельной книгой в 1909 г.[4], но по ряду причин они, к сожалению, не вошли в широкий научный обиход.

Что же касается «Калевалы» Элиаса Лённрота в русском переводе Л. П. Бельского, ставшем классическим для читателя, знакомящегося с ней на русском языке, то относительно подробный именник ее персонажей и топонимов с общей отсылкой к соответствующим рунам, в которых они встречаются, приложен к юбилейному изданию эпоса, осуществленному в 1985 г. в Петрозаводске[5]. Насколько нам известно, полного указателя имен «Калевалы» в композиции Э. Лённрота в текстовой дистрибуции не существует и на языке оригинала.

Имея в виду данные «Калевалы», необходимо отметить два обстоятельства:

1. Для наших целей несущественны споры вокруг «Калевалы» по поводу того, является ли она подлинно фольклорным произведением или литературным созданием Элиаса Лённрота. Представляется бесспорно объективным заключение, к которому приходит Э. Г. Карху в результате критического анализа важнейших из этих споров: «...в историко-литературном смысле вопрос об "искусст-

[4] Историю создания этих указателей см.: *Тарланов З. К.* Географическое пространство русских былин // Филологические науки. 2001. № 4. С. 32—34.

[5] Указатель имен собственных, наименований // Калевала: Карело-финский народный эпос / Собр. и обр. Э. Лённрот; Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985. С. 380—382.

венности" лённротовской эпопеи лишен всякого основания и снимается сам собою»[6]. Одно то, что Лённрот, делая свои фольклорные записи, составившие шестьдесят пять тысяч стихов, в одиннадцати поездках преодолел пешком, на лыжах, на лодке в общей сумме около двадцати тысяч километров[7], не оставляет места для уколов со стороны кабинетных ученых, якобы озабоченных диалектной точностью языка всемирно признанной композиции ученого-подвижника. Это тем более справедливо по отношению к собственным именам, при всевозможных фонетических разночтениях сохраняющим некий узуальный инвариант и связующим эпическое повествование в одно целое.

2. Требует некоторого объяснения и то, насколько правомерно и целесообразно анализировать и систематизировать собственные имена «Калевалы» по ее русскому переводу. Может быть, такого рода вопросы и не возникали бы, если историко-культурная оценка переводов была бы принципиально и масштабно осмыслена в филологической науке в соответствии с их ролью в обеспечении международного обмена художественно-эстетическими ценностями. Однако о таком осмыслении пока говорить не приходится, хотя очень многим из того, что мы знаем о культуре других народов, мы обязаны исключительно переводам. Точно так же русский и русскоязычный читатель знаком с «Калевалой» в русском переводе. Для него действительно то ее содержание, которое представлено в переводе. Поэтому вполне логично исследование и переводов. Сравнение их данных с данными оригинала могли бы предоставить в распоряжение филологической науки, теории и практики переводческого дела много новых фактов[8]. С учетом же огромного количества переводческой продукции, ставшей неотъемлемой и активно работающей частью мировой культуры, существу-

[6] *Карху Э. Г.* «Калевала» и ее народно-поэтическая основа // Там же. С. 27.

[7] Там же. С. 23.

[8] Автор вполне отдает себе отчет в том, что различия в содержательной структуре оригинала и перевода, в том числе и в ономастическом репертуаре, независимо от степени совершенства перевода неизбежны. Поэтому разносторонний

ющая по отношению к ней предвзятость как к материалу для филологических исследований должна быть преодолена.

В качестве опорного в предлагаемом исследовании принят перевод «Калевалы» Л. П. Бельским, который заслуженно считается, как уже отмечалось, классическим и в котором полнее представлен корпус эпических имен в композиции Э. Лённрота. Вместе с тем в целях сравнения привлекается и новый перевод «Калевалы», осуществленный Э. Киуру и А. Мишиным[9], в котором какие-то имена исчезают, какие-то предстают в ином фонетическом обличии, а какие-то оказываются новыми. При этом заметим, что переводчики исходят из того, что «Калевала» — это литературное создание Элиаса Лённрота, что едва ли согласуется с волей и научными представлениями самого собирателя рун.

Чтобы сравнить качество перевода Л. П. Бельского, легшего в основу настоящего исследования, с качеством нового перевода, приведу ряд произвольно взятых рун, связанных с соответствующими эпическими именами. Это тем более интересно, что такого рода сопоставления практически не проводились. Таким образом, по необходимости я несколько отвлекусь от непосредственной темы публикации.

анализ перевода — необходимый компонент полновесного изучения всякой эпической культуры, в том числе и «Калевалы», которая давно получила мировое признание. Было бы весьма заманчиво, например, провести сравнительный анализ переводов «Калевалы» хотя бы на мировые языки. Это дало бы общую картину типовых схождений и расхождений переводов одного и того же эпического текста на разные языки в сравнении с оригиналом, что, в свою очередь, немаловажно для науки о психологии и культуре восприятия иноэтнического устно-поэтического творчества. В такой же мере существенно проанализировать разные его переводы на один и тот же язык с точки зрения адекватности передачи эпического инварианта по нормам принимающего языка. Такая попытка в неполной реализации была предпринята автором этих строк (см.: *Тарланов З.* Местное — не значит лучшее // Курьер Карелии. 2004. 11 марта. № 4 (697)), и она вызвала ряд откликов, к сожалению, далеких от профессионализма.

[9] *Лённрот Э.* Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Пер. Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск, 1998.

Ср.:

Л. Бельский:

Поднялся из волн малютка,
Богатырь из моря вышел.
(48: 151—152)

Э. Киуру, А. Мишин:

Малый муж из моря вышел,
Из волны морской поднялся.
(48: 151—152)

В переводе Бельского сохранен обычный для эпоса мотив превращений (поднявшийся из волн по зову Вяйнямейнена *малютка* оборачивается *богатырем* и после третьего удара сваливает огромный дуб). В новом переводе *богатырь-малютка* исчезает, а вместо него появляется *малый муж*, в русском языке трудно соотносимый с эпической традицией: ни одно из двух основных значений слова *муж* в современном русском языке (*женатый мужчина* и *мужчина в зрелом возрасте*[10]) не укладывается в русло эпического повествования.

Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи...
(18: 41—42)

Анникки, чье имя славно,
Дева ночи, дочь потемков...
(18: 41—42)

Двустишие перевода Л. П. Бельского логичнее и органичнее: Анникки, красотка, — *дочь сумерек и ночи*. В новом переводе придаточная часть (*чье имя славно*), определяющая, характеризующая Анникки, не столько повествовательна, сколько декларативна. Знаковому в народном мифологическом сознании слову-понятию *сумерки* у Бельского в новом переводе соответствует синонимически не соотносимое с ним слово-понятие *потемки* (т. е. *темнота, отсутствие света*, ср. также его переносное значение — *блуждать в потемках*[11]), к тому же лишенное мифологической коннотации, что не вписывается в атмосферу повествования карело-финского эпоса, уже ставшего достоянием русскоязычного читателя.

Дева Калерво одна лишь
Там спаслась с плодом во чреве.
(31: 71—72)

Лишь одна осталась дева,
Что была тогда на сносях.
(31: 71—72)

[10] Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М., 1983. С. 308.
[11] Там же. Т. 3. С. 331—332.

В новом переводе эпически выдержанное выражение *дева Калерво с плодом во чреве* заменяется стилистически контаминированным выражением *дева на сносях,* в котором не только устраняется сюжетно значимое имя *Калерво,* но и *дева* соединяется с просторечным *на сносях,* что не может не нарушать единства повествования.

Даже дочери творенья
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье.
(41: 95—98)

Девы дивные природы,
Девы чудных сфер воздушных,
Наслаждаясь той игрою,
Кантеле прекрасным звоном...
(41: 95—98)

Четверостишие Л. П. Бельского, как видно, — законченная поэтическая фраза, составляющие которой находятся между собой в смысловой и стилистической гармонии. В новом же переводе поэтическая фраза не закончена, сочетание *девы воздуха* подается длинно и учено — *девы чудных сфер воздушных* — и явно дисгармонирует с нормой эпического повествования и общеязыковыми традициями периода лённротовских записей. Вместо вполне естественного словосочетания *звучание кантеле* у Бельского в новом переводе читаем едва ли удачное *кантеле звоном* (звон издают металлические или стеклянные предметы при ударе (ср. *звон бубенцов, бокалов, колокола*[12]).

Вот родные где Ахто,
Девы Велламо таятся...
(5: 23—24)

Там живет семейство Ахто,
Девы Велламо ютятся...
(5: 23—24)

Холодно-абстрактное слово *семейство,* к тому же в современном языке не лишенное двусмысленности, трудно вписывается в лироэпическую тональность «Калевалы». Глагольная форма *таятся,* использованная Бельским, точно соответствует и стилю, и смыслу эпического текста (*девы таятся,* т. е. *живут, существуют не проявляясь*). В переводе Э. Киуру и А. Мишина использован гла-

[12] См., напр.: Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. С. 602—603.

гол *ютиться*, что значит *располагаться тесно, на небольшом пространстве*, а это не согласуется с обычным для эпических текстов размахом пространственных отношений.

Лета дочь, что всех прекрасней,
Ты, дочь юга, мать творенья,
Ты, дочь елочек, хозяйка,
Можжевельника дочь, прелесть.
Дочь рябины, ты, малютка,
Дочь черемухи — дочь леса,
Миэликки — его хозяйка.
(32: 83—89)

Нет прекрасней девы лета,
Девы теплых дней — щедрее,
Нет стройнее девы сосен,
Девы вереска — красивей,
Нет милее дев рябины,
Дев черемухи чудесней,
Миелики, хозяйка леса.
(32: 83—89)

Если отвлечься от деталей, в том числе и фонетико-графического оформления имени *Миэликки* — хозяйки леса, в котором, на мой взгляд, неоправданно графема э заменена графемой *е*, а характерная для карельского и финского языков геминированная фонема [*кк*] — негеминированной [*к*], то новый перевод как бы нарушает естественный ход повествования. Чуть раньше приведенных фрагментов хозяйка Ильмаринена, выпуская стадо, обращается к верховному богу Укко с просьбой защитить его от несчастья и бедствий и поручить его для сохранности дочерям творенья. Затем с той же просьбой она обращается к самим дочерям творенья непосредственно. В переводе Э. Киуру и А. Мишина это обращение к каждой из дочерей творенья заменено отстраненно вялой похвалой в их адрес. Тем самым очевидно нарушается принцип теснейшего общения с природой, столь характерный для персонажей карело-финского эпоса и так последовательно прослеживаемый по переводу Л. П. Бельского.

Калеватар, та девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То пойдет по краю пола,
То пойдет по середине,

Дева Калевы, красотка
Та, чьи пальчики прекрасны,
Чьи движения красивы,
Что всегда быстра, проворна,
Посреди избы порхала,
Возле печки хлопотала,

То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,
Вдруг увидела лучинку,
Поднимает лучинку с пола.
(20: 257—266)

Много сделать успевая,
Меж двумя снуя котлами,
Видит щепочку у печки,
Поднимает щепку с пола.
(20: 257—266)

Текст второго столбца по нормам русского языка звучит обыденно, с заметной ноткой искусственности, есть неэпические повторы (*пальчики прекрасны, движения красивы; быстра, проворна*); противоречащие друг другу по смыслу стихи (*возле печки хлопотала* — указывает на длительность действия, а *снуя меж двумя котлами* — слишком ограниченное пространство); неоправданно с точки зрения языка, на который переводится текст, вместо слова *лучинка* использовано слово *щепка* (*поднимает щепку с пола*).

(Анникки)
Взоры бросила на море,
Повернулась прямо к солнцу:
В Суомеле, при устье речки,
При впаденье речки Вяйне
Что-то на море чернеет,
Что-то синее на волнах.
(18: 57—62)

(Анникки)
Бросила свой взор на море,
Посмотрела вдаль под солнце
Через устье речки Суоми,
Воды Вяйнолы широкой:
Видит черное на море,
Видит синее на волнах.
(18: 57—62)

Поэтическая фраза первого столбца по точности передачи общего смысла превосходит аналогичную фразу второго столбца: по тексту «Калевалы» дело происходит утром рано, когда солнце только встает. Анникки, полощущая белье на мысочке, повернувшись к солнцу, видит, что *что-то на море чернеет* именно с той стороны, откуда восходит солнце. По новому же переводу получается, что Анникки видит *черное на море* под восходящим солнцем, хотя, как известно, под восходящим и заходящим солнцем из-за игры светотени что-то высмотреть сложно. Кроме того, по законам русского языка для обозначения чего-то неопределенного используются неопределенные местоимения, что и соблюдено в переводе Л. П. Бельского и чего нет в новом переводе Э. Киуру и А. Мишина. В первом стихе

местоимение *свой* (*свой взор*) — плеоназм: бросить чужой взор невозможно.

Еще один пример, свидетельствующий о том, насколько важна для правильной передачи смысла текста каждая его деталь. При этом несущественно, как эта деталь представлена — словом, союзом, частицей или типом синтаксической конструкции. Ср.:

Но кусков недоставало:
Головы куска с рукою
И других частей некрупных, —
Не хватало также жизни.
(15: 277—280)

Малости недоставало:
головы лишь половины,
лишь руки и мышц различных,
не хватало и дыханья.
(15: 277—280)

«Лемминкяйнена старушка» собирает сына по кусочкам. Первый стих в обоих столбцах является задающим смысловой тон. Однако во втором столбце он просто смешит: не может быть *малостью отсутствие половины головы, второй руки, мышц различных и дыханья.* Переводчикам и этого мало. Они усиливают абсурдность смысла повторением частицы *лишь* перед соответствующими однородными компонентами высказывания. Получается так, будто речь идет о каких-то пустяках: «недоставало *лишь* половины головы», «*лишь* руки и мышц различных». Может быть, это юмор оригинала? Едва ли. Ситуация очень уж далека от юмористической: мать по кускам собирает сына! Рядом помещенный текст оригинала — это мертвому припарки.

Примечателен и последний стих. Вскользь, между прочим, с использованием присоединительной синтаксической связи, уместной при указании на что-то неважное в разговоре, сообщается о том, что «*не хватало и дыханья*» (У Бельского вполне адекватно — «*Не хватало и жизни*»). Из воды вилами по кускам вытаскивается то, что осталось от Лемминкяйнена. А переводчики, описывая эти куски, говорят: «*не хватало и дыханья*». О каком дыхании в таком контексте может идти речь? Выходит, таким образом, что Лемминкяйнен был немножко мертв!

Из приведенных иллюстраций очевидно, что точность перевода определяется *не только верностью реалиям оригинала, но и тем,*

насколько передача этих реалий укладывается в словесной культурой освященные или освящаемые традиции языка, на который переводится текст в его изначальной жанрово-стилистической данности.

Что же касается основной интересующей меня темы — общей ономастической картины «Онежских былин» и «Калевалы», то она выглядит следующим образом: в корпусе личных имен и географических названий «Онежских былин» насчитывается 578 единиц, в то время как в «Калевале» — 184 единицы.

Из них на собственно личные имена приходится соответственно 362 единицы (255 — мужские, 98 — женские, 9 — среднего рода) и 96 единиц (53 — мужские и 43 — женские).

Как очевидно из этих данных, мужские имена, а следовательно, персонажи мужского пола в «Онежских былинах» составляют более 70 %, женские — 27 %. Процентные соотношения между теми же группами персонажей в «Калевале» составляют 51 к 49[13].

Примечательно и то, что среди личных имен в «Калевале» значительно количество имен божеств природных стихий, дочерей и сыновей природных явлений, чудовищ, злых духов и т. д. — факт, отмечаемый у разных народов и характеризующий древнейшие типы культур[14]. Причем подавляющая их часть (две трети) приходится на персонажей женского пола.

Все эти божества образуют определенную иерархию, в той или иной мере соотнесенную с иерархией героев: *верховный бог (Укко) — божества природных стихий — дочери и сыновья божеств природных стихий либо самих этих стихий.*

Принцип иерархичности вполне определенно прослеживается и в составе эпических героев: *родоначальники героев, не действу-*

---

[13] *Тарланов З. К.* Сравнительный ономастикон русских былин и «Калевалы» / / Проблемы региональной ономастики: Материалы 3-й межвуз. науч. конф. Майкоп, 2002. С. 194.

[14] См., напр.: *Фрэзер Д.* Золотая ветвь / Ред., послесл. и коммент. С. А. Токарева; Пер. с англ. М. К. Рыклина. М., 1980. С. 125—128 и др. (1-е англ. изд. — Лондон, 1923).

ющие, но почитаемые — основные герои с Вяйнямейненом в центре — семейно-родовые представители героев — остальные персонажи[15].

Героям по горизонтальной оси противостоят злые силы, в борьбе с которыми одним из основных средств выступает магия — заклинания. Герои находятся в постоянном и отзывчивом контакте с природой и божествами природных стихий. Более того, природе, ее стихиям приписываются те же семейно-родовые принципы жизни, которые управляли людьми, ибо, как писал А. Ф. Лосев, на древнейшей стадии человеку «вся природа представлялась... не чем иным, как одной огромной родовой общиной, населенной существами человеческого типа, находящихся в тех или иных родственных отношениях и воспроизводящими собой первобытный коллективизм первой в истории общественно-экономической формации»[16]. Развивая эту мысль на материале «Калевалы», Э. Г. Карху отмечает: «Уже сама типология многих сюжетов, уже то, что в рунах все вещи из чего-то и кем-то "рождаются", что у них есть своя "родословная", служит показателем такого проецирования. В родственные отношения вступают небесные тела, природные стихии, зооморфные и антропоморфные существа, элементы неживой природы, вода, огонь, железо»[17]. Все это еще раз подтверждает мысль, что культура, представленная в «Калевале», и по данным ее именника, относится к древнейшему периоду, который Дж. Фрэзер называет магическим (периодом магии), или мифологическим, а другие исследователи — догосударственным[18].

Иначе обстоит дело в «Онежских былинах», для героев которых существует один Бог *(Иисус Христос)*, а дважды упоминаемый

---

[15] Подробнее см.: *Тарланов З. К.* Заметки по типологии былин и «Калевалы» (по данным их именников) // Филологические науки. 2002. № 1. С. 86—88.

[16] *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 7.

[17] *Карху Э. Г.* «Калевала» и ее народно-поэтическая основа. С. 12.

[18] Ср., однако: «...я категорически протестую против второго лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа...» (*Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 16).

в связи с Садко *Водяной царь (Морской царь)* скорее представляет собой исключение и не меняет общей картины.

Как сами имена, так и их носители в русских былинах при всем том, что они живут по законам той же фольклорной жизни, фольклорной эстетики, но тем не менее несут на себе уже явную печать узнаваемой истории.

Цементирующей и централизующей идеей для их героев является идея родины, ее защиты от внешних врагов. Былинные богатыри — это прежде всего стражи границ, стражи Киева, выступающего концентрированным выражением идеи родины. От нее неотделима и идея государственной, княжеской, власти, власти князя Владимира, которому они служат. Поэтому персонажи русских былин так или иначе соотносительны со ступенями государственной власти, социальным расслоением общества, управляемым государством, а также и со ступенями установлений единой религии.

По этим основаниям среди былинных персонажей наряду с собственно героями есть и их отцы и крестные отцы, сыновья, противники, бояре, боярские дети, воины, генералы, гости (купцы), дворяне, державцы, князья, дружинники, доносчики, короли, королевские сыновья и племянники, крестьяне, просто любовники, паны, похитители, разбойники, священнослужители, цари, царские шурины, атаманы, владельцы, воины, глашатаи, есаулы, зятья, казаки, калики, мужики, паробки, рассыльные, советники, царские послы[19], бабы, вдовы разных категорий, старые девы, княгини, царицы[20] и т. д.

---

[19] Подробнее см.: *Тарланов З. К.* Именник русских былин // Филологические науки. 2002. № 3. С. 105—110.

[20] Подробнее см.: *Тарланов З. К.* Женский именник в русских былинах в контексте поэтики жанра и этноязыковой культуры // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX—XXI вв. Воронеж, 2001. С. 89—92; *Он же.* Состав и функции женского ономастикона в былинах // Междисципл. семинар — 4: Интерпретация художественного текста. Петрозаводск, 2001. С. 80—84.

[21] *Тарланов З. К.* Состав и функции женского ономастикона в былинах. С. 83.

Как по социальному положению их носителей, так и по структуре былинные имена скорее историчны, чем мифологичны, что естественно, если иметь в виду возраст былин, в главных своих чертах укладывающийся в хронологические рамки Киевской Руси.

Характерно и то, что ролевой состав женских персонажей «Онежских былин» намного разнообразнее состава женских персонажей «Калевалы»: в них действуют и княгини, и дочери царей, императоров, панов, купцов, и честны вдовы, и вдовы, и бабы, и царицы, и жены, и матери, и старые девки, и дочери вдов, и тетки, и любовницы, и племянницы, и невесты, и сестры и т. д. Однако наиболее частая женская роль в них — это роль жены (около 23 %), затем по убывающей следуют роли матери (18 %), дочери (15 %), честной вдовы (около 11 %), любовницы (около 7 %), сестры (около 6 %) и т. д.[21] Ролевой диапазон женских персонажей «Калевалы» намного скромнее. С другой стороны, в обоих эпосах одинаково слабо разработана боковая линия родственных связей: у ведущих героев обоих эпосов нет братьев, а основные герои былин не имеют и сестер.

В то же время в «Онежских былинах» в составе периферийных мужских персонажей сравнительно часто проступают линии сыновей, дочерей и братьев, что видно из приведенных таблиц.

Таблица 1

Линия сыновей в «Онежских былинах»

Сын	*Отец или мать*
Котенко Блудов	Блудище
Василий Буслаев	Буслав
Ванюшка	Честная вдова Апраксия
Василий	Илья Муромец и Сиверьяночна
Петре	Королевский сын из Крякова
Лука и Василий	Дворянин из Крякова
Сокольник	Илья Муромец
Хотен	Блудов
Ярюк	Сын Иванович

Окончание табл. 1

Алеша Попович	Поповский сын
Аполонище славное	Девка Сиверьяночка и И. Муромец
Батыга Батыгович	Сын Васильевич
Василий Иванович	Князь Карамышевский
Василий Иванович	Царь Иван Грозный
Гордей Щелканович	Щелкан Дудентьевич
Добрыня Никитич	Микитин сын
Дюк Степанович	Боярский сын
Иван Данильевич	Данила Игнатьевич
Иван царевич	Иван Грозный
Илья Муромец	Сын Иванович
Лука Петрович	Королевский сын из Крякова
Малюта	Скуратов сын
Михайло Долгомерович	Татарский сын, сын Семигорки
Фадей Игнатьевич	Вдова Огородникова
Федор Иванович	Сын царский
Федор Иванович	Иван Грозный
Федор Иванович	Князь из Очакова
Петр царевич золотничанин	Илья Муромец и Сиверьянична

Таблица 2

Линия дочерей в «Онежских былинах»

Дочь	*Отец или мать*
Апраксия	Державец Малидоньский
Марина	Пан Сердобольский
Офимья	Купеческая вдова
Устинушка	Часовая вдова
Катерина Владимировна	Князь Владимир
Марина Юрьевна	Пан Сердобольский
Марфида Всеславьевна	Дочь царская, княженецкая

Окончание табл. 2

Марья королевична	Король литовский
Марья Митриевична	Король литомский
Марья королевична	Король Ляховинский
Марья Митриевична	Купец
Настасья Владимировна	Князь Владимир
Настасья королевична	Король Политовский
Чайна Часовична	Часовая вдова

Таблица 3

Линия братьев в «Онежских былинах»

Братья	*Общие сведения о них*
Агрикановы	6-й и 7-й богатыри на заставе
Васенька и Сенюшка	Борются с Кострюком
Любовичи	Их завоевал Дюк
Лука и Моисей	6-й и 7-й из семи богатырей на заставе
Андрей Андреевич	2-й из братьев, боровшихся с Кострюком
Борис Борисович и Митрий	Благоверные князья в Твери
Василий Андреевич	Старший из трех братьев, боровшихся с Кострюком
Василий Петрович и Лука (Петр)	Из Крякова
Иванушка могучий	Названный брат ИльиМуромца
Никита Романович	Брат жены Ивана Грозного
Потапей Андреевич	Младший из трех братьев, приходящих бороться с Кострюком
Мишенька маленький хроменький	Младший из трех братьев, побеждает Кострюка

Для сравнения приведем соответствующие таблицы и по данным «Калевалы». Однако в них не включены общие формулы типа «сын Похъелы», «дочь Калевы» и т. п., представляющие собой стандартную эпическую фигуру, используемую для характеристики персонажей.

Таблица 4

Линия сыновей в «Калевале»

Сын	*Отец или мать*
Ахти Лемминкяйнен	Лемпи
Вяйнямейнен	Ильматар
Ильмаринен	Локка
Еукахайнен	Мать без обозначенного имени
Куллерво	Дева Калерво
Киви-Киммо	Каммо
Сын Месяца	Месяц
Осмойнен	Осмо
Пеллервойнен Сампса	Сын поляны
Сын Солнца	Солнце

Таблица 5

Линия дочерей в «Калевале»

Дочь	*Отец или мать*
Айно	Мать и отец без имен
Дочь елочек	
Дочь лета	
Дочь месяца	
Дочь можжевельника	
Дочь рябины	
Дочь солнца	
Дочь черемухи	
Дочь юга	
Ильматар	Дочь воздушного пространства
Каве	Дочь творенья
Марьятта	Мать без обозначенного имени
Осмотар	Осмо

Окончание табл. 5

Теллерво	Тапио
Терхенетар	Дочь туманов
Туликки	Тапио

Сравнение таблиц данных именников двух эпосов показывает, что наиболее многочисленному составу сыновей в «Онежских былинах» в «Калевале» в той или иной мере соответствует линия дочерей. Однако социальная природа, как и в других случаях, разводит их кардинально. Если в былинах сын, как правило, аттестуется по социальному положению отца или матери (державец, пан, купеческая вдова, князь, король и т. д.), то патронимические отношения в «Калевале» целиком обращены на природу, с которой человек образует единое целое. Очевидному и отчетливому историзму сознания в былинном повествовании параллельны последовательно мифологические представления карело-финского эпоса. Персонажи «Калевалы» — это, по сути, олицетворенные и персонифицированные стихии природы, отличающиеся в то же время своей ценностной иерархией, говоря словами А. Ф. Лосева, «разными степенями реальности»[22].

И в «Онежских былинах», и в «Калевале» отчетливо прослеживается и линия жен эпических героев, но в последней — менее полно и последовательно.

Однако и там, и там самые важные персонажи, абсолютные герои — Илья Муромец и Вяйнямейнен — не имеют жен. С другой стороны, такие обычные для былин персонажи, как *любовник, любовница,* «Калевале» и вовсе неизвестны[23]. В карело-финском эпосе при всем том, что он относится к более древней стадии, семейные отношения предстают как более канонизированные и ориентированные на мужскую волю.

---

[22] *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. С. 25. См. также с. 35.

[23] *Тарланов З. К.* Заметки по типологии былин и «Калевалы». С. 87—88.

К аналогичным в принципе выводам приводит и анализ топонимов, очерчивающих географическое пространство русских былин[24] и «Калевалы», вместе с тем межличностные отношения, детали быта и природы предстают более реалистично выписанными в «Калевале», в то время как в былинах они поданы как бы общим планом[25].

Сложившись в древнейшие этапы истории и отражая соответствующие им типы сознания, социальных отношений, восприятия действительности, эпические культуры в силу устойчивости своих форм вместе с тем представляют важные сведения о пройденных стадиях развития языкового строя.

Так, по манере выстраивания одноплоскостной фразы в синтаксисе былин[26], подтверждаемой показаниями древних памятников русской письменности, мы можем судить о природе паратаксиса как о феномене, стадиально предшествовавшем гипотаксису в структуре предложения. Того же плана и русский былинный изафет типа *Пучай река,* который, будучи безусловно архаичной конструкцией, в свою очередь, может рассматриваться в качестве одного из объективно-языковых подтверждений древности самих былинных текстов и мотивов[27], о чем убедительно писал Б. А. Рыбаков с опорой на параллельные им показания летописей[28].

Наконец, еще одно замечание общего характера. Показательна с точки зрения отражения этнокультурных традиций и манера языкового оформления имен эпических персонажей. В русских былинах они построены преимущественно по схеме двухкомпонентных структур (*Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович,*

---

[24] Подробнее см.: *Тарланов З. К.* Географическое пространство русских былин. С. 34—43.

[25] *Тарланов З. К.* Заметки по типологии былин и «Калевалы» (по данным их именников). С. 88.

[26] *Тарланов З. К.* Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981. С. 98—99.

[27] Подробнее о былинном изафете см.: *Тарланов З. К.* Русский былинный изафет // Русская речь. 2003. № 1.

[28] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Алеша Дородович, Аполонище славное, Возвяк Таврольевич, Дюк Степанович, Авдотья Микулична, Амальфа Тимофеевна и т. д.). Однокомпонентные имена составляют менее одной трети всего их корпуса[29]. Иначе обстоит дело в «Калевале», в которой двухкомпонентное имя типа *Палвойнен Вироканнас, Паллервойнен Сампса* — редкость среди обычных для нее одночленов. В то же время значительное количество имен персонажей в ней, сводимых к природным стихиям, — это синтаксические двучлены, объединенные посессивно-атрибутивным отношением, ср.: *Дева Анникки, Девы Велламо, Девы воздуха, Дочь елочек, Дочь можжевельника, Дочь рябины, Дочь Солнца, Похъелы хозяйка* и т. д. Кстати, для подобных структур остается нерешенным и орфографический вопрос: как писать, например, *Дочь рябины, Дочь юга* — оба компонента с прописной буквы или только начальный? Обычно оба слова вопреки логике вещей пишут со строчной буквы. На мой взгляд, в подобных случаях с учетом специфики эпической действительности и эпических персонажей необходимо придерживаться единого стандарта, по которому оба компонента должны писаться с прописной буквы (например: *Дочь Лета, Дочь Рябины, Дочь Юга* и т. д.).

Хотя типология стала одной из бурно развивающихся отраслей филологического знания, она не приобрела еще надлежащей фактологической базы. Теоретические поиски, как это обычно для филологической науки XIX—XX вв., продолжают опережать исследование и описание непосредственного конкретного материала. Существенной опорой в этом направлении могли бы стать, в частности, и сопоставительные штудии в области фольклора разных народов хотя бы в пределах исторической России.

[29] *Тарланов З. К.* Именник русских былин.